

ISSN: 0273-8503

NASHI VESTI
Santa Rosa, CA 95402-9998

USPS #: 371- 320

47-Й ГОД ИЗДАНИЯ

№ 422-423

№ 1-2/1991

ТОРЖЕСТВО ОТКРЫТИЯ ПАМЯТНИКА ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ III В 1909 ГОДУ

Н.П.СОЛОДКОВ

К 80-ЛЕТИЮ

Государь на освящении храма «Спаса на Водах»

Из воспоминаний знаменщика Морского корпуса *)

Конец лета 1911 года. Первая смена старших гардемарин заканчивает плавание на крейсере «Богатырь». Несколько дней занимает поход в Швецию, в Стокгольм. Красивые шхеры, интересный город, первый раз посещаемый гардемаринами. Во время стоянки каждый день приносит что-нибудь новое...

Вернулись в Россию под впечатлением этого похода. Здесь ждал новый сюрприз, уже значительный для всех. Крейсер «Богатырь» был вызван в Петербург, так как полурота гардемарин со знаменем должна была принять участие в открытии Храма-памятника морякам, погибшим в войне с Японией.

Стали на якорь посредине Невы, между Морским корпусом и Новым Адмиралтейством. В конце Английской набережной, на островке перед входом в Адмиралтейство возвышался только что законченный постройкой Храм-памятник, полный очаровательной старины, образец древне-русских храмов. В нем на мраморных досках помещены имена всех морских чинов, погибших в войну 1904-05 гг. Казалось, этот храм будет на долгие, долгие годы памятником значительной важности для всей России, т.к. имена ее сынов, от матроса до адмирала, начертаны навеки для поминания потомству. Хотя это и грустный, скорбный памятник проигранной войны, но тем более значительный, показывающий, что великие сердцем и духом русские люди чтут и помнят не только победы и успехи своего оружия, но и всех скромных героев-страдальцев, погибших во время неудач и поражений.

Вследствие важности этого события и особого расположения Монарха к морякам, памятник открывался в Высочайшем присутствии. Сам Государь Император Николай 2-й со своей царственной Семьей молился на освящении Храма, и тем самым его открытие приобретало общерусское значение.

*
* *

Выпуску гардемарин 12-го года в данном случае повезло, и они очень гордились своим участием в параде. Они еще не были официально старшими гардемаринами, но случилось так, что на целых два месяца раньше они ими стали. Старшая первая рота была весной произведена в корабельные гардемаринны, и поэтому следующие за ней должны были ее заменить. Но у них еще не было ни своих произведенных унтер-офицеров, ни фельдфебеля, так как «строй» оставался на берегу, в корпусе.

Пришлось наскоро сколачивать полуроту по системе «подскочи», которая, несмотря на печальный опыт русско-японской войны, так привилась в нашей

флотской жизни. Перемешав три класса, выстроили по росту, рассчитали на взводы и отделения, назначили временно исполняющих обязанности унтер-офицеров. К счастью, уже было несколько вице-унтер-офицеров с одной нашивкой, которых можно было смело поставить взводными. Так, были назначены: фельдфебелем — де Кампо-Сципион, а взводными унтер-офицерами — Горковенко, Макаров и Керн.**) Причем последние двое более всего подходили к этому событию, так как их отцы погибли в русско-японскую войну.

Но полурота должна была быть со знаменем, а знаменщика не было; мало того, не было в наличии и адъютанта, который находился в плавании. Времени на какую бы то ни было подготовку совершенно не хватало. Вчера пришли, сегодня осмотрелись, а на завтра назначено открытие Храма-памятника. Хорошо еще, что за отсутствием места на Английской набережной прохождение церемониальным маршем не предполагалось.

Один из отделенных начальников, по прозвищу «Саша Черный» — за свою черную бороду, заместил адъютанта. Гардемарины Солодкова назначили знаменщиком и приказали явиться на двор Корпуса при палаше для занятий со знаменем. Вынесли болванку знамени, и заменяющий адъютанта офицер с Уставом в руках стал обучать гардемарина приемам. С этим отделенным начальником, благодаря его скверной привычке подшучивать с издевкой и придирается к каждому пустяку, гардемаринны дело иметь не любили и поэтому такое совместное с ним обучение сулило мало приятного.

Но все обошлось благополучно, потому что «Саша Черный» сам ничего в «знаменном деле» не понимал и, обучал, можно сказать, по складам, рассматривая картинку в Уставе.

Поупражнявшись немного, нашли, что все должно сойти благополучно, и уже хотели кончать свои занятия, как вспомнили, что Государь будет обходить фронт и при его приближении надо «салютовать» знаменем, встав в полоборота и медленно опуская панир (полотнище) к земле. Пришлось испробовать панир и салютовку; она выходила очень примитивно, но...

— Ничего, сойдет, — подбадривал «Саша Черный» — не торопитесь только, медленно и с достоинством склоняйте знамя. Да смотрите, если будет ветер, чтобы знамя не упало! — наставительно добавил он.

*
* *

Утро торжества выдалось пригожее. Дул ветер с

*) Н.П.Солодков. Морские рассказы. Храм-памятник. Париж 1968 г. стр. 41-47. (Печатается в сокращении. Заголовок наш, Ред.)

**) Сципион застрелился в 1920 году, будучи тяжело раненным в Сибири при отступлении адмирала Колчака. Горковенко, став морским летчиком, погиб в бою с германскими самолетами над Рижским заливом в 1915 году. Солодков, прошел тернистый путь эмиграции.

Хочется верить, что этот праздник стал еще одним подтверждением начавшегося возрождения России. Большое спасибо и низкий поклон всем организаторам прекрасного праздника. Бог в помощь!

Роман Днепровский

Родион Сивцев

моря и поэтому не было жарко. От Невы и пристаней тянуло приятным, крепким запахом канатов, смолы, водорослей и влаги. Красавица-река, нежась в солнечных бликах своих волн, ласково полоскалась о гранитные набережные и весело несла на волнах маленькие ялики, пароходики с пронзительными свистками и громоздкие черные буксиры с переламывающейся под пролетом моста дымовой трубой.

Полурота гардемарин, одетая в черные брюки и белые форменки с узкими золотыми погончиками, приняла знамя из квартиры директора Морского корпуса и отправилась на Английскую набережную, где развернутым фронтом заняла свое место у гранитных перил, первая от нового Храма. Рядом построилась рота Гвардейского Экипажа, дальше 1-го Балтийского Экипажа и другие, прибывшие из Кронштадта и с судов Балтийского Флота.

Государь с царственной Семьей прибыл из Петергофа на яхте. Гардемарины повернули лицом к реке и все время, пока царская яхта проходила мимо и швартовалась рядом у пристани, они держали «на-караул».

Дул порывистый ветер, и распушенный, тяжелый, двойной шелковый панир знамени, вскинутый вверх на длинном древке, сильно полоскало.

Государь с Семьей и свитой проследовали в Храм. После окончания освящения и панихиды по погибшим морякам, выйдя из храма, Государь стал обходить построенные войска. Как всегда, он шел медленно, проходя близко по фронту и своими ясными глазами смотря каждому в лицо; иногда останавливался, что-либо спрашивал или узнавал лицо.

О феноменальной памяти Государя ходили самые невероятные рассказы. Было неудивительно, когда Он интересовался или обращал свое внимание на людей, чем-нибудь выделявшихся; в частности, среди воспитанников военно-учебных заведений—на юношей, отцов которых он лично знал. И что поразительно, он вдруг вспоминал эти лица даже при их отсутствии.

Вот, например, один случай, характеризующий память Государя, записанный со слов мичмана Юрши, и касающийся знаменщика выпуска 1912 года: когда Государь в 1913 году на Крещение обходил роту гардемарин со знаменем перед выходом на Иордань, то, остановившись перед знаменщиком и мило стиво его что-то спросив, назвал, обращаясь к корпусному начальству, совершенно правильно фамилию знаменщика Солодкова, выпуска 1912 года, и поинтересовался:

— Куда он вышел?

Вопрос был столь неожиданный, что начальство смогло только ответить:

— Во Второй Балтийский экипаж, Ваше императорское величество.

Когда Государь проходил по фронту, вслед ему несло несмолкаемое «ура». Перед ним медленно склонялись к земле полотнища знаменных флагов и паниры знамен.

Все сошло благополучно: знамя Морского корпуса, в еще неопытных руках только что назначенного знаменщика, взлетало ввысь и замирало в воздухе над щетиной поднятых «на-караул» винтовок, а затем, чуть вздрагивая волнуемое ветром, торжественно-плавно, под мощные звуки национального гимна медленно склонялось к ногам Державного Вождя.

Настроение у всех участников было приподнятое. Ни времени, ни усталости не замечали, хотя вся церемония освящения храма длилась довольно долго...

Н. СОЛОДКОВ

Г. ЖЕРОМСКИЙ

Совесть Господь пробудил?

В газете «Интернешенл Хералд Трибюн» 22 ноября 1990 г. появилась статья американца Билла Келлера под заглавием «Николай 2-й: возрождение царя». Сперва автор делает краткий обзор событий, имевших место в Свердловске (б. Екатеринбург) в середине июля 1918 г., и, в частности, пишет об убийстве Царской Семьи. Царь, которого, как пишет Келлер, тогда считали слабовольным и неубедительным самодержцем, ныне неожиданно возрождается в памяти не только его современников, но и в сердцах нынешнего молодого поколения. Однако судят о нем, по мнению автора, не по тому, как он правил страной, а по тому, как он погиб.

Это явление всегда беспокоило советскую власть, а теперь в особенности. Власть и поныне умывает руки, чтобы избавиться от накрепко, навеки засохшей на них крови. Западные же историки вследствие извечной недоброжелательности к России, слепо и упорно верили официальной версии, что с Царской Семьей расправился, мол, Уральский облсовет на свой страх и риск, и что ВЦИК, и даже сам Ленин, об этом узнали лишь после свершившегося факта.

Еще совсем недавно и академик Иоффе утверждал это и всячески выгораживал Ленина и его ВЦИК. Об убийстве не было даже и речи, а это гнусное преступление подменили терминами «казнь» или «растрел», хотя ни для одного, ни для другого оправданий не было. И всё же западные историки предпочитали верить этой официальной версии, хотя под рукой у них была более правдивая и точная информация русских зарубежных современников этого жуткого злодеяния.

И вот в СССР, в стране подвластной казенному мышлению, где история всегда писалась под диктовку, вдруг появляется некий Эдуард Радзинский, драматург, который, проникая через казенные рогатки, находит истинные сведения о случившемся в Екатеринбурге. Но он также находит и смелого издателя, который не боится распространить об этом в печати, ...дабы ведали потомки православных своей страны минувшую судьбу.

Одна лишь короткая запись в дневнике Алексея Акимова, близкого сподручного Ленина, немилосердно разрушает миф о непричастности ВЦИК к убийству Царской Семьи. Акимов утверждает, что сам лично сдавал депешу, адресованную Уральскому облсовету с распоряжением, как можно скорее расправиться со всеми членами Царской Семьи, подписанную самим Лениным и его клеветом Свердловым.

Но последующие лидеры СССР, включая и нынешних, всё же боялись утечек из закровов спецхранов, ибо ни один из «семи замков» не внушал им доверия—сбивались они очень легко. И вот журнал «Аргументы и факты», пользуясь гласностью, стал распо-